

А. В. НИКИТЕНКО

**Похвальное слово Петру Великому,
императору и самодержцу Всероссийскому,
Отцу Отечества**

Санкт-Петербургский университет, празднуя свое физическое и нравственное возрождение, могучею державною волею для него созданное, с восторгом встречает, в эту прекрасную эпоху своего возраста, приветливый взор собрания столь знаменитого¹. Если вы, Мм. Гг., смотрите на него с надеждами, то это одно уже в состоянии возвысить и омужествить дух наш: это значит, мы признаны достойными выполнять, вместе с вами, великие намерения государя и споспешествовать славе Отечества. С другой стороны, заботливое внимание ваше к сему высшему учебному заведению служит новым утешительным доказательством того, сколь любезно России драгоценное наследие Петра — ее просвещение. В эти торжественные минуты тесного, видимого сближения общества с наукою и науки с обществом более, чем когда-либо удостоверяться в благопоспешности ее начинаний; сильнее чувствуешь, что наука не может иметь других притязаний и другой славы, как утверждать наши законы, наш общественный порядок и упрочивать наше благо; что она есть только одна из естественных и необходимых сил нашей народной организации. Время сказать это, Мм. Гг., теперь, когда могущественная и глубокая мысль августейшей главы империи проникла в души всех, и именем русской чести, напечатлела в них святой завет: *«да будет отныне в России все русское»*. Одно из любопытнейших явлений в истории народов, без сомнения, есть ход нашей образованности. Пред нами две эпохи; их разделяет целое столетие; в пространстве этого времени совершилось для России столько необычайных событий, что столетие кажется веками; две сии эпохи, по-видимому, даже противоположны в сво-

ем характере и значении, — а между тем они сливаются в один момент народной жизни; первая существует единственно для последней, как последняя есть только естественное, правильное раскрытие всего, что заключалось в предыдущей. Одна эпоха, когда по могущественному слову: *да будет*, раздавшемуся над русскою землею, возникли на ней новые люди с новыми потребностями и назначением; другая, когда эти люди, по такому же мощному призывному голосу, бросаясь в объятия России, как бы после долгой разлуки, воскликнули в восторге своего обновленного существования: *мы дети твои!* Гений Петра, свыше помазанный на великое творчество, созидая новые судьбы народа, черпал для них стихии там, где они были, — в общих избытках человечества. Мы продолжали черпать их, пока не укрепились их силою и не возросли для жизни высшей и вместе самобытной. Закон природы выполнен. Следовало угадать минуту, в которую России надлежало начать жить собою и в себе. Угадать эту минуту не было делом ума обыкновенного; немного раньше мы могли пойти назад; немного позже мы могли подвергнуться недугам, столько же тяжким, сколько и чуждым нашей природе. Но эта минута угадана; дело Петра довершено. России возвращается Россия. Уже по твердой самодержавной воле великого Зодчего передвигаются колеса необъятной государственной машины, устанавливаются новые пружины, творение Петра организуется, приводится к единству естественного национального начала. Как! все это зиждется в наши дни, пред нашими глазами, и мы даже не слышим шума этих чрезвычайных работ? Мы не испытываем никаких тревог, неразлучных с великими государственными изменениями? Мы даже не замечаем ускоренных шагов нашего необычайного шествия? Посмотрите: святая, торжественная тишина приосеняет наши дни; лицо России цветет обычным здравием, и слава платит нам, как и прежде, свыше установленные дани, — а для будущности в недрах этой славы и покоя готовится столько величия... Но оратор не должен похищать прав у историка; не станем предупреждать потомство. Объятые отовсюду воспоминаниями первого дня нашей нравственной жизни и вкушая плоды нашего возрождения, мы имеем уже пред собою неиссякаемый источник для великих размышлений и для слова в минуты, посвященные торжеству науки и народной славы. Беседующему с вами нет надобности прибегать к искусственному сближению предмета своей речи с настоящим случаем. Пред вами, Мм. Гг., дух Петра и его дело оправданное, доверяемое. Его могучая воля живет в каждом акте нашей жизни и продолжает управлять событиями. Все вокруг нас и в

нас самих исполнено святынею его мысли; все дар ее, — как и эти стены, среди коих совершается скромное, но общепольное служение истине, как это место, с коего дерзаю призывать его бессмертное имя, как самое слово, коим беседуем с вами. Здесь, окруженные, проникнутые его невидимым присутствием, мы невольно исполняем священного благоговения; сердце поработано силой этого мощного гения, облеченного всем величием, всею будущностию России, — мы должны или безмолвствовать, или говорить только о нем!

Но, Мм. Гг., вы без сомнения желали бы, чтобы устам красноречивейшим предоставлено было выразить общие чувствования. Безмерное величие предмета может подавить и оратора, уже привыкшего к победным торжествам слова. Петр Великий есть одно из тех необычайных явлений нравственного мира, коих изучение составляет задачу для мудрых и кои только отважному взору гения допускают коснуться до глубокой тайны своих сил и начинаний. Но да позволено будет мне сложить пред вами часть моей ответственности: я не питаю дерзновенного желания начертать его исполинский образ или раскрыть пред вами славу дел, под бременем коих изнемогает история. Мое слово будет только — простою, невольною ему данию благоговения. Все, что вы услышите, уже живет в вашей памяти и в вашем сердце. Великий человек оставил повсюду столь могущественные следы своего существования, что всякое изливание чувствований оратора, всякий взгляд его уже предупреждены, — ему остается повторять. Но так в простом напеве народной песни повторяются предания, драгоценные сердцу гражданина; тем не менее эти предания слушают с жадностью, как бы они были всегда новы, потому что любовь к Отечеству, им внимающая, подобно всякой любви, не сетует, когда много говорят о предмете ее обожания.

История назвала Петра величайшим из людей, коих имена когда-либо она принимала на свои страницы, она тем воздала только достойную честь себе и человечеству: просветитель народа должен стоять пред судом их выше завоевателя, выше всякого властителя и вождя умов. Какое величественное, утешительное зрелище пред нами! Вот муж, совершающий дело божественное, муж — зиждетель нравственного порядка, муж, повелевающий быть на земли новым доблестям, новым славам, новым успехам ума и гражданственности. Из всех человеческих могуществ укажите то, которое было бы достойнее человеческого рода по своей славе и благотворнее для него по своим следствиям. Это не есть присоединение какой-нибудь силы к силам, движущим общество; это не обогащение жизни новою отраслю добра: это целое,

полное миротворение! Из того, что он создал, ничего не существовало, и что он создал, обречено вечному существованию. Не измеряйте одним царствованием пребывание его на земле: в его биографии преднаписана история многих царствований. Он столько же гений нашей будущности, сколько гений настоящего; скорее не станет веков для совершения его предначертаний, чем истощится богатство последних. Каждая мысль, изторгшаяся из глубины его зиждительного ума, является в потомстве как предмет для бытописания и как зародыш бытописаний грядущих; она вместе и урок, и потребность. Подобно всеобщей жизненной силе в природе, Он есть невидимое тайное начало всякого отправления в нравственной нашей жизни; вот цвет и плод ее, — загляните во глубину их первоначального образования — там лежит *семя*: это мысль Петра. Ни границы времени, ни назначение настоящей беседы не допускают меня представить вам, Мм. Гг., этой истины в самых фактах. По крайней мере, бросим беглый взгляд на механические, так сказать, приемы, какими начал он неслыханный труд перерождения народного. Здесь, как и на высоте общих видов, является тот же Петр — просветитель, с тем же принятым им от неба полномочием вливать дух и жизнь в неподвижную плоть, с тем же дивным знанием вещей и средств. Наука торжествует повсюду; ее животворное дыхание объемлет и проникает весь состав государства. Безопасность, богатство народа, все отрасли деятельности, честь народного имени, — все утверждено на вечных основаниях истины и обеспечено развитием народного ума и самопознания. Мы, как я имел честь заметить выше, радуемся счастливому у нас направлению науки, радуемся, что она подвизается для общества, а не для школы, что она есть деятель, сила государственная, а не пустая сластолюбивая игра праздных умов: но это направление дано ей Петром. Оно угадано его всепроницающею мыслию во глубине народного духа, среди его дремоты, когда никто не смел еще подозревать его сил и читать их тайны, кроме Петра. В самом деле, на что обращено внимание монарха, среди забот о просвещении Отечества? Он учреждает Морскую академию, дает в России бытие наукам инженерной и артиллерийской; русские по его воле учатся медицине, свет рациональных начал озаряет торговлю и мануфактуры². Петр сам устанавливает новые формы письменности; в своих бесчисленных письмах, резолюциях и уставах, прежде Ломоносова, дает первые образцы языка, полного силы, простоты и точности. Повелевает учиться иноземным языкам, — языкам Европы и Востока; умственные произведения народов, опередивших нас в науке и искусстве, усвоятся

нашей рождающейся образованности; Петр сам перечитывает их, исправляет и дает советы о лучшем выражении новых идей на языке отечественном. Учреждаются школы для детей канцелярских чиновников, начинают зарождаться школы народные; государь посылает наставников в провинции для обучения дворянских детей математике; лучших молодых людей отправляет за границу для приобретения высшего образования, пишет им своеручно наставления, как опытный просвещенный руководитель и сам, по возвращении, их экзаменует. Излагает превосходные начала для учреждения семинарий и духовных академий и дает правила, основанные на глубоких соображениях, о сочинении книг для распространения нравственно-религиозного образования в народе. Наконец, Мм. Гг., вы знаете, что и Академия наук ему обязана своим существованием, а в плане, начертанном по этому случаю, соединены с нею основания университета: первый русский университет существовал уже в уме Петра³. До времени он слил две формы высшего образования в одну, потому что того требовали современные ему нужды государственные. Вы видите, Мм. Гг., что обширная и мудрая система распределения образованности между всеми классами народа в той мере, какая нужна каждому из них для собственного и государственного блага, — что эта система, которая ныне с такою твердостью развивается и законодательными, и административными мерами, была уже Петром Великим понята и предопределена. Его только всеобъемлющему духу возможно было расширяться на такое огромное пространство вещей и дел и оживить одним собою все — от перевода на русский язык иностранных книг до Академии наук, до университета.

Это добро общее, добро целого, веков и потомства. Но если бы и самый утонченный, расчетливый эгоизм вздумал спросить, что каждый из нас почерпнул на свою долю в новом порядке вещей? Мы отвечали бы, честь существовать по-человечески и право возвышать и облагораживать свое существование всеми нашими силами материальными и нравственными. Разве деятельность, указанная Петром духу русского народа, не служит уже для каждого из нас источником разнообразнейших благ, точно так, как она служит опорой нашей самобытности и прочным залогом нашей вечной славы? Искусства, науки, новые ветви промышленности, их совершенствование, их приложение — какой неиссякаемый источник всевозможных успехов жизни! Какие средства, чтобы возвысить в нас достоинство человека и сделать отрадным пребывание наше на земле! Сколько прекрасного сопряжено с существованием гения, таланта, доблестной воли — а

им открыты поприща, цели и пути. Совершенного счастья нет ни в каком ходе вещей на земле; но есть многие блага, которые вкушать может только ум образованный и есть многие злополучия, которые отвратить может одна образованность. Все, что наполняет сердце наше сладким сознанием его обилия и силы; все, что каждый из нас называет своею славою, чем даже каждый из нас наслаждается в беспечности покоя, — все дар просветителя народа! Но могут спросить: не надлежало ли нам идти медленнее по новому пути? Нет, Мм. Гг.! Это значило бы отваживать будущность нового порядка вещей и самую будущность государства на неверное покровительство удачи и случая. Сия-то быстрота, как и всеобщность преобразования, есть одна из величайших заслуг гения нашей новой истории. События оправдали его твердую и решительную волю. Ум столь обширный и проницательный, как ум Петра, не мог медлить, видя быстрое возрастание держав образованных; скоро возле них не было бы места другим стихиям общества. В состоянии ли мы представить себе, каким ужасом должно быть поражено сердце великого монарха, когда он, обзрев состояние вещей в Европе, увидел свою возлюбленную Россию во всей крепости природных сил ее, со всеми правами на великое существование и почти без всех пособий, какими сопредельные ей народы, с каждым часом своей политической жизни, приобретали новые успехи! Что сделалось бы с Россиею, когда отважный солдат, сжавший судьбу Севера в железной руке своей, этот Карл XII, низложенный юным нашим просвещением, бросил бы свой победоносный меч на весы с древними нашими предрассудками? Что случилось бы с нами, когда другой воин, более счастливый и более великий, перестраивая ветхую Европу по своим исполинским замыслам и простирая свой окровавленный скипетр на Россию, встретил бы в нас одно только мужество — и ничего, или мало от спасительного могущества науки и искусства? Нет! Петр Великий не только просветил Россию, но спас ее, — спас, потому что просветил!

Станем, Мм. Гг., на другую точку зрения: посмотрим на Петра как на деятеля всемирного. Народ, занимающий необъятное пространство земного шара, печальными судьбами был надолго отторгнут от участия в общих делах мироустройства и мироправления. Другие народы, прияв в руки свои Европу из кровавой купели перерождения, уже давали ей закон, гражданственность, науку и искусство; каждый из них спешил приложить свою мысль и свой труд к этому новому зданию истории, — и человечество скоро увидело пред собою в числе даров, ими принесенных, компас, порох, Америку, книгопечатание, Дантову⁴

«Божественную комедию», Беконов⁵ «Новый органон», Рафаэ-лево⁶ «Преображение». Между тем Россия, проникнутая ужа-сом претерпенных ею зол, стояла в хладном и уединенном вели-чии, как бы боясь подать содействующую и дружелюбную руку чуждым людям, от коих понесла она на сердце своем столько скорбей. Но такое отчуждение не могло быть ее уделом. Петр принял ее в свои мощные объятия и, оживотворив своим дыха-нием, возвратил ее человеческому роду. Свежие, энергические силы влились мгновенно в ослабевшее тело Европы — и мир по-лучил нового двигателя образованности, еще не утомленного и не пресыщенного успехами, готового усвоить себе, возрастить и пронести в концы его все великое и прекрасное, — все челове-ческое, кроме обольщений ложной истины. Из глубины забве-ния и мрака, двинутые рукою величайшего гения земли, мы пришли в Европу не с мечом, чтобы сокрушить творение ум-ственных сил ее, — мы пришли с благородным желанием при-нять от ней науку и искусство. Мы пришли, чтобы у старого и опытного рыцаря человечества заслужить посвящение в высо-кий сан сподвижников всемирного дела. Стыдиться ли нам, Мм. Гг., что мы должны были сперва сделаться учениками лю-дей, опередивших нас на пути усовершенствования? Петр не стыдился учиться корабельному искусству у голландских мат-росов и тайне побеждать — у своих врагов; но он построил фло-ты и торжествовал победы над своими военными учителями. Не стыдно так учиться. Мы не хотим однако ж быть никому обяза-ными; Россия так богата, что не принимает даров. Мы заплати-ли и платим с избытком Европе за ее услуги. Мы вырвали ее из кровавых рук мужа судьбы, когда он осмелился свою железную волю противопоставить строгим и правильно чтимым законам общего порядка. Наследник Петра путем побед ввел нас в самые недра народа враждебного, угрожавшего стереть имя наше со страниц истории: во имя человечества мы, в отмщение, поднес-ли ему оливу мира и спасли для образованности вековые приоб-ретения ума, искусства и науки. Кроме дел, мы дали два вели-ких урока народам: как сражаться за свою независимость и как благотворить победою. И так воздвиглось могущество новое, едва ли не первое в летописях мира, — могущество, предписав-шее себе закон — не разрушать, но спасать и хранить. Ринулись на Европу другие, опаснейшие враги — политические страсти, грозившие подавить образованность развалинами порядка и за-кона. Крепкая издревле в соблюдении обетов, на коих основаны бытие и прочность гражданских обществ, монархическая по сво-ей природе, потребностям и любви, Россия приосенила мощною

охранительною рукою троны и союзы общественные, и люди избавлены от стыда видеть себя жертвою своих собственных успехов. Вот плоды, принесенные Россиею человечеству от семян, засеянных рукою Петра. Нам вполне теперь объясняется мысль, постоянно наполнявшая великую душу его, — мысль ввести Россию в систему европейских государств. То было не одно патриотическое желание доставить ей почетное место в кругу народов образованных, хотя и это одно могло бы упрочить славу монарха великого. Нет! это было предчувствие гения, которого Промысл избирает орудием для выполнения целей общих, миродержавных. Это было непреодолимое, тайное влечение к тому необычному расширению нравственных сил, коего начало лежит глубоко в сердцах и судьбах русского народа. Итак, Мм. Гг., Россия торжественно слагает с себя вину пред человечеством, что она не принимала участия в судьбе его; она разом заплатила ему все свои долги — она принесла ему в дар Петра.

Таково, Мм. Гг., значение Петра в отношении к России и в отношении к человечеству. Кто ж он сам в себе, этот муж-зигдитель, этот податель света и гений России, сливший ее с собою, чтобы сделать ее гением народов иных? Виновник событий столь необычайных должен быть одарен и качествами необычайными. В самом деле, характер Петра не имеет ничего общего с великими характерами, какие представляются нам в древнем и новейшем мире. Величие его может быть сравниваемо только с величием державы, которую он призван был пересоздать. Идеи его были выше понятий его народа; но подобно небу, которого пределы кажутся отовсюду слитыми с пределами земли, эти идеи всею внутреннею силою своею опирались на народные нравы и судьбу. Куда бы вы ни пошли по путям народной нашей деятельности, вы везде будете под этим небом; вас везде обхватит горизонт этого дивного ума, — и между тем вы будете чувствовать, что над вами горит солнце и блещут звезды вашей святой Отчизны. Он есть в высочайшей степени представитель своего народа. Он впитал в себя разом с исполинскою силою всю его жизнь и, переработав ее в недрах своей души, возвратил ее тому же народу в лучезарных потоках света и славы. Что делает он, чтобы усвоить ему [народу. — *Ред.*] разные выгоды усовершенного общественного быта, — выгоды, какими прежде он [народ. — *Ред.*] не наслаждался? Вместо того, чтобы только повелевать самодержавно и бодро блюсти за исполнением своей воли, он принимает меры проще и действительнее, — но меры такие, каких еще в Истории людей не доставало ни для полного психологического изъяснения человека, ни для урока ему. Он становится сам плот-

ником, резчиком, кузнецом, солдатом, лекарем. «Смотри, — говорит он своему народу, — вот мозоли от топора на моих скиптродержавных руках: это для тебя и за тебя — теперь делай сам: это и легко и благородно». И народ, изумленный этим неслыханным способом самодержавного законодательства, устремляется бодро на новый путь, и как бы пробудясь от долгого сна, видит, что нет успеха гражданственности, нет такого усовершенствования, какие ни были бы ему суждены. Он принял из рук Петра свой ум, свою нравственную силу и свои руки. «Пишут ученики твои (так изъясняется с государем в письме русский корабельный плотник), — пишут *ученики твои*, корабельного дела мостильщики, щегольного дела мастера Якимко Воронин со товарищи 16, *челом бьют за твое мастерское учение*» — и «корабль взнимал я с учениками своими по твоему ученью». О, если бы можно было из истории человеческого рода вырвать многие так называемые блистательные страницы, где кровию народов вписано за цену всеобщего мира и блага несколько превознесенных имен, вместо этих страниц, можно было более написать подобных строк, Мм. Гг.; мы не были бы в опасности, читая историю, потерять иногда уважение к человеческому достоинству. Можете ли вы представить себе зрелище умильнее и торжественнее того, когда угнетенный невежественный сын природы, припадая к стопам гения, наделенного всеми умственными дарами, исповедует пред ним в простоте сердца свою духовную нищету и как этот гений, подымая его из праха, благословляет его братским благословением и говорит ему: «Будь человеком — я научу тебя быть им». Между тем этот гений, которому люди давали титул своего учителя, в то же время сражался за них, побеждал врагов, законодательствовал, царствовал. Хотите ли вы, Мм. Гг., войти с другой стороны в святилище этого необъятного ума — войдите, чтобы снова благоговеть. У других, также мужей знаменитых, вы находите ум, как бы вылитый в известную форму человеческого образования, ум, так сказать, известной эпохи; вы видите, что он и действует под влиянием понятий своего века, какой-нибудь школы, и даже под неизбежным влиянием предрассудков. Такие умы бывают представителями одной идеи и осуществляют ее одну в своих подвигах. В уме Петра, напротив, нет никакой склонности к утвердившимся понятиям или установленному способу соображения: это чистый, если можно так выразиться, стихийный ум, каким бывает он в недрах самой природы, прежде чем мы испортим его ложным учением, суемыслием и страстями нашими, — ум человеческий, без примеси того, что происходит от вековых навыков. Для его

деятельности как будто нет условных форм времени или места. Для него существует одна форма — истина и ясность. Казалось, от его мысли отпадали весь обыкновенный снаряд обсуживания, все эти топические лестницы, по коим мы медленно и ощупью подвигаемся к истине; одним метким ударом ума своего он разбивал вдребезги кору, облакающую сущность вещей, — и вещи послушно передавали ему глубочайшие свои тайны, коих тщетно домогались другие. В одно и то же время необъятный, как Россия, и удобовместимый в самой мелкой подробности, этот дивный ум равно изумителен в силе своего расширения и в силе сжатости своей. Это действительно, Мм. Гг., ум по превосходству, повторяю, чистый ум, который называют здоровым, не подзревая, может быть, что тем самым возвращают ему его божественное достоинство, — ум, который, по выражению одного из знаменитейших современных писателей, есть гений человечества. Удивительно ли, что Петр Великий был врагом всех хитросплетенных, бесполезных умствований, что он мог быть удовлетворен только истиною, а не прикрасами ее? Зиждетель повсюду, куда влекли его или собственное стремление, или нужды, он презирал все окольные ни к чему не ведущие пути, на коих мелкие умы любят забавлять чернь диалектическими уловками; он уважал в мысли силу производительную и требовал от нее дел. Иноземцы, приходившие в Россию с надеждами иногда слишком нескромными, изумлялись, видя, с какою проницательностью государь умел отличать в них людей истинно достойных и полезных от ничтожных искателей приключений. Один из таких людей представил ему план учреждения Морского Корпуса; в нем много было говорено, как обыкновенно, об общественной пользе, но дело шло о собственных выгодах сочинителя. Петр Великий написал против одного пункта, который казался благовиднее прочих: *«...этого не должно, ибо более клонится к лакомству и карману, нежели к службе»*, — а в заключение велел объявить велеречивому предлагателю услуг: *«...чтоб подлинно объявил, хочет ли он свое дело делать без прихотливых запросов, и если хочет, то б делал; буде нет, то чтоб отдал взятое жалованье и выехал из сей земли»*.

Можем ли мы также умолчать об одном из драгоценнейших качеств его ума, — об искусстве избирать себе сподвижников и исполнителей своей воли употреблять их сообразно их способностям? По его мощному крику земля русская дала граждан, заслуживавших чести жить в его время и разделять с ним блистательнейшую славу, какая когда-либо озаряла людей. В хижине, построенной на болоте, приобщились они величию держав-

ного гения и простерли руки свои к трудам тяжким и продолжительным. Каждый из них без царедворческой шастости и без лукавства, всею любовью своею к Петру и России, совестливо, честно возделывал частицу общего подвига, — а этот подвиг был — создание царства! Это сильные души, вылитые в бронзу, по коей глубоко прошел резец строгого и величавого стиля римлян. Они образовались по мысли великого художника, который в самой грубой коре не стыдился подозревать талант и доблесть, который искал людей, и сам каждого из них перерождал в мужа.

Мы никогда не кончили бы, Мм. Гг., если бы захотели исчерпать все великое, которое оратору и историку представляет характер Петра. Но вот новая необычайность и задача для наблюдателя человеческой природы: откуда возник этот характер и как он образовался? Мы привыкли думать, что человек, коему Провидение вверило власть над умами и судьбою века, готовится предшествующими событиями, что он большею частию призван только сосредоточить и выразить в себе общие нужды и идеи эпохи. Так ли было с Петром? Было ли до него пробуждено хоть в одном уме ясное сознание необходимости нового порядка вещей? Ожидали ли его сердца, чтобы принять с восторгом и облегчить ему бремя его подвига? Где его предтеча? Он пришел к своим — и свои его не poznали. Не было ни одного стремления в его пользу, ни одного начатка, чтобы дело творчества заменить для его ума и воли, хотя великим, но вполнину легчайшим делом довершения! Все надлежало создать самому: цели, средства, людей — самого себя. Вы знаете, Мм. Гг., получил ли Петр воспитание, не скажусообразное с его нравственными потребностями, но с его политическим жребием? Общество ничего ему не дало ни для его намерений, ни для гения; оно не лелеяло первых его начинаний; своим одобрением оно не укрепляло его великих надежд и доверия к своим силам. Или равнодушно, или с тайным отвращением оно смотрело на эти юношеские порывы, предвозвещавшие истребителя закоснелых предрассудков. Нашлись даже люди, — и их было немало, — которые дерзнули простереть свою святотатственную руку на сию вдвойне освященную главу, — освященную помазанием на царство и на великое значение в истории. Петр все получил или от неба, или от себя самого; земля дала ему только поприще для труда — и бессмертие за труд. Его ум и воля — дары Провидения; знание он исторг силою из рук неприязненной судьбы. Не легко, Мм. Гг., при всевозможных пособиях изучить и одну науку, особенно если она есть наука царствовать. Петр изучал все, что должно было сделать подданных его людьми, — изучал не

под руководством избранных наставников, при помощи приготовленных средств, — нет! — он изучал это под руководством собственного ума, в убогой школе нужды и терпения. И просветитель народа исполнил правосудно свое достославное назначение: он сделался сам просвещеннейшим мужем своего века. Это уже не монарх-повелитель: это Божий посланник, принесший миллионам людей слово истины и себя как образец для последования. В этом-то дивном самообразовании лежат первое начало и опора той несокрушимой силы воли, которою замыслы, казавшиеся несбыточными мечтами, он превращал в дела и вещи. Петр не мог и не должен был получить образования другого. Поставленный заранее в необходимости черпать все из собственных сил, он стал столько же самодержавным по своему духу, сколько был самодержавным по сану. Не получив никакого направления, он сохранил ту независимость, чистоту и ясность ума, которые необходимы были ему для нравственного законодательства в своем народе еще более, чем для политического. Неподвластный никакому чуждому внушению, он, наконец, сделался тем, чем надлежало быть ему, — сделался Петром Великим.

Но во всем этом, Мм. Гг., мы видим силу, могущество, власть ума и воли; этого слишком много, чтобы человека сделать предметом удивления и благоговения; однако же не довольно для того, чтобы сделать его предметом обожания. Мы даже можем сознавать, чем мы обязаны великому человеку и сердцем от него отстраняться. Бывает не полное какое-то величие, которое овладевает не всюю нашею душою и оставляет в ней место для тайных укоризн и сожаления. Гений здесь может столько же утратить в своей славе, сколько и приобрести. Отчего же Петр, несмотря на строгие черты своего лика, порабощает наше сердце так, что для него нет убежища между удивлением и любовью? От того, Мм. Гг., что всеми его намерениями, всем могуществом его души управляло одно святое, чистейшее чувство — любовь к Отечеству. *«Я за свое Отечество живота не жалел и не жалею»*, — говорит он в одном из своих писем. Протекши мыслию всю цепь исполинских дел и качеств Петра, здесь встречаете вы последнее звено его величия — здесь, где *великий для истории стал отцом для Отечества*. Далее человеку простираться некуда. На пути к этой нравственной грани еще можно трепетать за славу Петра, за полноту жертвы, какую обязано принести ему потомство. Можно еще спрашивать у самого себя: не честолюбие ли увлекло эту могучую душу на поприще таких необычайных дел? Ибо, Мм. Гг., не раз люди испытывали скорбь разочарования, слиш-

ком доверяя величиям человеческим. Но здесь нет уже места никакому разбирательству, никакому суду. Петр является нам в полном свете самой чистой, прекраснейшей славы. Мы радостно войдем в пантеон великих мужей всех стран и всех веков, — и с гордостью падем пред нетленным образом Петра. Его дала человечеству земля русская — первый среди великих мужей своим гением и доблестию; он наш своею любовью, так же как своим именем. Если великие мужи суть представители своих народов пред судом потомства и ходатаи за их славу — что должно сказать о гении народа, которого нравственные силы вылились в такую форму, как образ Петра?.. С благоговейным трепетом говорим мы в сердце нашем, глядя на этот дивный образ: эта всеобъемлющая мысль на величественном челе — она вся была пренесена в жертву нам; из нее излились на нас просвещение, могущество, слава. Из этих уст история услышала святые слова и приняла, как объяснительный догмат, на все подвиги необыкновенного мужа: *я не жалею жизни для России.*

Здесь прекращаю мое слово: ибо, Мм. Гг., здесь и не столь слабое слово исчезает в торжественных кликах потомства, как отдельный голос исчезает в громе радостного приветствия, когда народ наш встречает своего мощного и благоносящего царя. Здесь можно только молиться. О, пусть всегда сердца наши молятся, да будет Россия Петра тем, чем хотел ее сделать Петр и чем делает ее тот, кому Провидение достойно и праведно вверило довершение его подвига. Пусть в этой молитве будет слово и за нас: пусть эти юноши, пришедшие сюда стяжать сокровище познаний по чувству своего просветителя, обнимут свое дело мыслию нешаткою и трудом бодрым совершат его, чтобы дух Петра возрадовался, и августейший наследник его мог сказать: *«Они достойны быть его и моими детьми!»*.

